На правах рукописи

Страхов Игорь Игоревич

АВТОБИОГРАФИЗМ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ М. М. ПРИШВИНА

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2016

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор **Ковалев Геннадий Филиппович**
Официальные оппоненты:	**Королева Инна Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Смоленский государственный университет, кафедра русского языка и методики его преподавания, профессор
	Скуридина Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, кафедра русского языка и межкультурной коммуникации
Ведущая организация:	федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

Защита диссертации состоится «28» апреля 2016 года в 13 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.038.07 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный университет» по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10, филологический факультет, ауд. 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте http://www.science.vsu.ru/disser.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Голицына Татьяна Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Русская литературная ономастика возникла в лоне отечественной филологии чуть более полувека назад, однако носить звание молодой науки ей позволяет не только сравнительно короткая история, но и широчайшие перспективы, которые открываются перед ней, ведь на данный момент не вполне исследованы даже произведения признанных русских классиков, не принята окончательно терминологическая парадигма, активно возникают оригинальные взгляды на проблемы и их решения.

Литературная ономастика сегодня привлекает все больше ученых, благодаря которым увеличивается ее взаимодействие с различными областями филологии, а также с науками нефилологическими. Специализированные журналы, где регулярно печатаются исследования по русской литературной ономастике, стали появляться совсем недавно: это «Записки з ономастіки» (Одесса, с 1999 г.), «Вопросы ономастики» (Екатеринбург, с 2004 г.), «Λογος όνομαστική» (Донецк, с 2006 г.).

Наиболее общей задачей современных ономастов, на наш взгляд, является поиск адекватных путей подхода к материалу в процессе изучения творчества самобытных и талантливых писателей всех эпох, которому должно сопутствовать накопление опыта разноаспектного анализа онимов. В будущем такой опыт мог бы стать основой для новых попыток системного осмысления литературной ономастики как важнейшей науки на стыке лингвистики и литературоведения. Одним из таких путей является подход к ономастикону писателя как к отражению его биографии (С. М. Калинкин, Г. Ф. Ковалев, К. В. Лопатина, Ю. А. Рылов, В. И. Супрун, С. А. Скуридина; другие ученые Воронежской ономастической школы).

М. М. Пришвин признан одним из тех писателей XX века, чье оригинальное художественное творчество стало неотъемлемой частью классической русской литературы. Многие ипостаси его писательской личности открываются только теперь – во многом благодаря публикации

дневников, которые, в частности, позволяют выявить степень автобиографизма его художественных произведений.

Ономастика текстов Пришвина рассматривалась в работах Н. В. Борисовой, Г. Ф. Ковалева, С. Н. Кубочкина, А. М. Подоксенова, В. В. Плеханова, Г. Л. Серовой, Т. А. Степановой, Н. А. Трубициной. До сегодняшнего дня, однако, не проводился системный анализ ономастического материала творчества Пришвина, в то время как выявление особенностей авторского ономастикона способствует более глубокому пониманию языковой личности писателя и авторской картины мира.

Несмотря на то, что лингвистами признается особая роль топонимической лексики в составе ономастикона художественного произведения, крупных исследований, в центре внимания которых находилось бы исключительно топонимическое пространство художественного наследия того или иного автора, также не много.

Таким образом, внимание к малоисследованному материалу и особый подход к нему обуславливают **актуальность** диссертационной работы.

Целью работы является выявление специфики использования топонимической лексики в художественных текстах М. М. Пришвина с позиций автобиографичности его ономастики.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

1) выявление в художественных текстах Пришвина массива топонимов, их описание и классификация;

2) изучение места топонима в авторской картине мира как основания для формирования особенностей использования топонимических единиц в художественных текстах;

3) выделение наиболее репрезентативных топонимов и групп топонимов и анализ их семантики и структуры, роли в тексте;

4) установление источников авторской топонимии; в частности, анализ соотнесенности топонимикона с реальной топонимией и биографией писателя

и определение особенностей топонимической системы Пришвина как проявления автобиографизма произведений писателя;

5) рассмотрение мотивации при выборе Пришвиным топонимов, выявление своеобразия их использования как средства реализации идейно-художественного замысла и как маркеров хронотопа, особенностей их употребления в зависимости от жанровой принадлежности произведения.

Объектом исследования является топонимическая лексика художественных текстов М. М. Пришвина.

Предметом является роль топонимов в создании художественного образа, пространственно-временных отношений (хронотопа), жанровой принадлежности и структурной организации текста, способы индивидуально-авторского употребления такой лексики в художественных текстах и реализации ее автобиографической составляющей.

Основным источником материала послужили художественные произведения Пришвина, под которыми в практическом смысле нами понимаются произведения, включенные в Полное собрание сочинений М. М. Пришвина (1982-1986), за исключением авторского пересказа книги англо-канадского писателя Арчибальда Стэнфелда Билэйни (Серая Сова) «Странники лесной глуши», опубликованного под заглавием «Серая Сова», и выдержек из дневников; **дополнительными источниками** – опубликованные к 2015 г. дневники писателя (по 1949 г.), включающие собственно дневниковые записи, черновики писем и записи документального характера; изданная в 2004 г. книга «Цвет и крест», содержащая некоторые наброски Пришвина, не вошедшие в советские собрания сочинений произведения и ранние публицистические тексты писателя.

Материалом исследования стал массив топонимов, выбранный из Полного собрания сочинений и включивший в себя 1306 единиц (вместе с вариантами) в 6633 словоупотреблениях, обязательно рассмотренных в контекстах.

Методологическая основа диссертационной работы опирается на базовые положения о языке художественной литературы и комплексный подход к анализу художественного текста как эстетически организованной системы. При исследовании имен собственных в текстах Пришвина использовался как системный подход к топонимикону, так и особый – к отдельным топонимическим единицам и группам топонимов, с учетом их частных особенностей. Главным в работе является описательный метод, подразумевающий отбор материала, его этимологический, семантический, контекстуальный и стилистический анализ. В данной работе использовались систематизация, обобщение и классификация топонимических единиц, а также – для отражения наиболее системных особенностей употребления топонимов – статистический анализ.

Основной **теоретической базой** диссертации стали труды ученых-ономастов А. В. Суперанской, В. Д. Бондалетова, В. И. Никонова, В. А. Жучкевича и др., а также филологов, затрагивавших проблему ономастики художественного текста: А. Л. Бема, В. Н. Михайлова, Э. Б. Магазаника, О. И. Фоняковой, Ю. А. Карпенко, В. М. Калинкина, Г. Ф. Ковалева, Ю. А. Рылова, В. И. Супруна и др. В качестве вспомогательных использовались новейшие гипотезы литературоведов, занимающихся творчеством М. М. Пришвина: Н. В. Борисовой, А. Н. Варламова, Н. А. Трубициной, З. Я. Холодовой, Е. А. Худенко и др.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые проведен многосторонний анализ топонимикона художественных текстов М. М. Пришвина. Новым является и то, что исходной точкой анализа стала мельчайшая единица предмета исследования – топоним. Именно на основе выводов об использовании каждого из проанализированных топонимов во всех доступных текстах автора и о месте каждого топонима в индивидуально-авторской картине мира сделаны обобщающие выводы об особенностях употребления топонимической лексики в художественных текстах Пришвина в целом, которое воспринималось в ходе исследования как единый текст.

Таким образом, в работе показаны особенности использования одних и тех же топонимов (или их вариантов) в произведениях разных жанров, приемы авторской обработки биографического материала в зависимости от писательской интенции и, соответственно, автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах Пришвина. Особое внимание в ходе исследования уделялось также хронотопности топонимической лексики.

Положения, выносимые на защиту:

1) топонимикон художественных произведений Пришвина состоит в основном из реальной топонимической лексики и предельно биографичен;

2) контекстуальный анализ использования соответствующих топонимов показывает, что малая родина писателя (село Хрущёво-Лёвшино, город Елец и его окрестности, а также район так называемого русского подстепья вообще) занимает важное место в становлении художественного творчества Пришвина;

3) реальная топонимическая лексика, использованная Пришвиным, не только устанавливает хронотопные рамки произведения или отдельных эпизодов, но и служит средством художественной выразительности, благодаря индуцированию коннотативных значений топонима, этимологизации топонима и актуализации «обнаженной» формы имени (как имплицитно, так и эксплицитно), поэтической этимологизации топонимов, актуализации стилистического потенциала отдельных имен (в частности, в целях создания стилистического контраста), мифологизации реальных топонимов и некоторых других приемов;

4) ономастический анализ подтверждает, что топономикону художественных текстов Пришвина свойственна гидроцентричность.

Теоретическая значимость диссертации заключается в возможности введения в сферу языкового и литературоведческого исследования творчества М. М. Пришвина данных литературной ономастики. Привлечение ономастического материала позволит глубже изучать язык художественных произведений. Исследование должно обратить внимание на необходимость

дальнейшего изучения ономастикона Пришвина и закрепить в исследовательском процессе вазаимодействие ономастики, биографизма и хронотопоности. Также работа дает ценный материал для ученых, сконцентрировавших свое внимание на других сторонах жизни и творчества писателя.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его материалы можно использовать, во-первых, в курсах, посвященных проблемам литературной ономастики, во-вторых, в курсах, связанных с языком творчества М. М. Пришвина. Диссертационная работа способствует более глубокому пониманию идейно-художественного замысла писателя, индивидуально-авторской картины мира, а отдельные изыскания, связанные с фактами биографии, могут, на наш взгляд, быть использованы при комментировании текстов Пришвина в изданиях для широкого читателя, а также при переводах на иностранные языки. Материалы исследования могут быть использованы для составления Ономастического словаря произведений М. М. Пришвина или Словаря языка творчества М. М. Пришвина. Также они могут быть привлечены во время создания интегрированных уроков в средней школе, показывающих неразрывную связь языка и литературы, уроков краеведения, при организации внеклассных мероприятий.

Апробация работы. Основные положения работы обсуждались на Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя «Михаил Пришвин и XXI век» (г. Елец Липецкой области, 14-16 февраля 2013 г.), на IX Международных Святогорских ономастических чтениях (г. Донецк, Украина, 17-20 октября 2014 г.), на форуме «Культурно-историческое наследие Центрального Черноземья» (с. Аргамач-Пальна Елецкого района Липецкой области, 7-9 августа 2015 г.), на Первых международных ономастических чтениях имени Е. С. Отина (г. Донецк, Украина, 16-18 октября 2015 г.), на IV Международной научно-практической конференции «Специалист XXI века: психолого-педагогическая культура и профессиональная компетентность» (г. Барановичи, Республика Беларусь,

22 октября 2015 г.). Содержание диссертации отражено в 9 научных статьях, 5 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 317 позиций.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность и научная новизна работы, определены объект и предмет, материал для исследования, сформулированы цель и задачи работы, методологическая и теоретическая основы, основные положения, выносимые на защиту, указаны теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В **главе I «К истории изучения ономастики художественного текста»** в **разделе 1.1. «К истории изучения имени собственного»** коротко рассматриваются основные вехи исследования имени собственного – начиная с его выделения как части речи философами-стоиками. Особое внимание уделяется проблеме своеобразия значения имени собственного, в контексте рассмотрения которой подчеркивается, что литературный оним имеет только два значения: этимологическое и коннотативное. В разделе показаны истоки литературной ономастики: интерес самих писателей к именам собственным, а также интерес к ним литературных критиков, в частности, В. Г. Белинского, который неоднократно обращал внимание на имена собственные в анализируемых текстах; оценено современное состояние литературной ономастики как признанной науки, отмечены наиболее важные тезисы из основополагающих работ; затронуты новейшие аспекты изучения литературной ономастики: выявление *коннотации* имени собственного, использование понятия *хронотопа* и другие. Особое внимание в разделе уделено раскрытию специфики работы Воронежской ономастической школы, заключающейся в работе с документами, способствующими выявлению автобиографичности онимов, определении отношения писателя к Имени как

таковому, осмыслении ономастикона с точки зрения хронотопности, в направленности на конечный результат в виде лексикографической обработки материала.

Раздел 1.2. «К истории литературной топонимики» посвящен проблеме изучения ономастами и литературоведами литературной топонимии, показаны пути освоения топонимической лексики и введения ее в состав исследовательского процесса. Здесь же обозначены приоритетные направления работы с топонимами в рамках данной работы, а именно изучение связи использования топонимов в художественном тексте с биографией писателя.

В **разделе 1.3. «К истории изучения ономастики М. М. Пришвина»** проанализированы прецеденты научного интереса к ономастике художественных произведений М. М. Пришвина (работы В. В. Плеханова, Н. В. Борисовой, Н. А. Трубициной, Г. Ф. Ковалева и др.), на основе чего сделан вывод о широких перспективах изучения его ономастикона; обозначены некоторые литературоведческие концепции, принятые в работе: в частности, положение о творчестве Пришвина как едином тексте (Е. А. Худенко, Е. М. Криволапова, Н. В. Борисова), осмысление Пришвиным своей жизни как творчества (А. Н. Варламов, Е. А. Худенко), общепризнанный факт высокой автобиографичности его произведений. В данном разделе обоснован выбор именно топонимикона писателя в качестве объекта исследований, который обусловлен осознанием обостренного внимания Пришвина к природе и пониманием категории пространства как ключевой категории его мировосприятия.

В **главе II «Некоторые аспекты использования топонимов в художественных текстах М. М. Пришвина»** собраны материалы, отражающие наиболее общие положения, связанные с особенностями топонимического пространства творчества М. М. Пришвина.

В **разделе 2.1. «Топонимы как объект интереса М. М. Пришвина»** освещен необычайно живой интерес М. М. Пришвина к топонимам, даны

примеры обращения писателя к их народной и научной этимологии, примеры его собственных попыток выявления происхождения названий, использования топонимов как поводов к философским размышлениям героя-рассказчика его произведений, отмечено внимательное отношение Пришвина к заглавиям, а также проведен анализ использования ономастической лексики в составе заголовков его произведений и их частей. Выявлено, что 11,5% заглавий Пришвина содержат имена собственные, из них 46,3% содержат топонимы (например: *«Охота на Большой Ордынке», «Тютенькин лог»*), в то время как антропонимы присутствуют в 38,2% заголовках с онимами. Выявлено, что топонимы в составе заголовков появляются у Пришвина там, где важно с самого начала обозначить хронотоп произведения или части произведения, там, где *место* играет важную или сюжетообразующую роль.

Обнаруженный интерес писателя к именам географических объектов, наложивший отпечаток на формирование топонимического пласта лексики в его творчестве и преимущественное сохранение реальных географических наименований в художественных текстах, стал одним из базовых и наиболее общих положений работы.

В **разделе 2.2. «Общая оценка топонимической лексики в художественных текстах М. М. Пришвина»** на наиболее общем уровне реализован системный подход к литературной топонимии произведений М. М. Пришвина, так как взгляд на весь пласт имен собственных в текстах, а также обобщения на уровне отдельных классов онимов не менее важны для глубокого понимания творчества любого автора, чем замечания по поводу отдельных литературных онимов.

Разбив топонимию произведений Пришвина на классы в соответствии с общей топонимической классификацией, мы получили следующую картину: самыми частотными топонимами являются ойконимы – 390 единиц в 1952 употреблениях (29,9% топонимов и 29,4% употреблений от общего количества топонимов), гидронимы – 286 единиц в 1649 употреблениях (21,9% и 24,9% употреблений) и хоронимы – 193 единицы в 1515

употреблениях (14,8% и 22,8% употреблений). Три перечисленных класса составляют две трети (66,5%) всей топонимической лексики текстов Пришвина, и более чем три четверти (77,1%) употреблений топонимов обусловлены их использованием.

В разделе определены наиболее частотные топонимы в художественных текстах Пришвина: треть всех (2211 – 33,3%) топонимических словоупотреблений обусловлена использованием всего 2,7% топонимических единиц, а именно следующих 35 топонимов: *Москва* (278 словоупотреблений), *Россия* (212), *Петербург* (138), *Север* (109), *Пи́нега* (85), *Выгозеро* (73), *Волга* (69), *Северная Двина* (69), *Чаща* (68), *Карельский остров* (66), *Норвегия* (62), *Сибирь* (62), *Корабельная Чаща* (61), *Азия* (58), *Выг* (58), *Париж* (55), *Белое море* (53), *Германия* (53), *Дубна́* (48), *Америка* (43), *Европа* (39), *Кода* (38), *Переславль-Залесский* (37), *Светлое озеро* (37), *Елец* (34), *Лапландия* (34), *Русь* (33), *Архангельск* (31), *Дальний Восток* (31), *Имандра* (30), *Кавказ* (30), *Повенец* (30), *Поморье* (30), *Берлин* (29), *Туманная гора* (28). Все они тесно связаны с биографией писателя (с местами постоянного проживания или путешествиями), что подтверждает высокую степень автобиографичности творчества Пришвина.

Большинство топонимов, встречающихся в художественных произведениях Пришвина, можно найти на карте (современной или исторической) без специального исследования или же приписать к определенной местности по контексту произведения. Соответственно, бóльшую часть топонимов можно классифицировать по местоположению денотатов в реальном пространстве, что и сделано в данном разделе, где названы наиболее освещенные М. М. Пришвиным с этой точки зрения регионы (далее названы в порядке убывания): современные Ярославская область, республика Карелия, Архангельская область, Приморский край, Московская область, Мурманская область, Санкт-Петербург/Ленинград, Москва.

В разделе вводится понятие *топонимической емкости* художественного произведения. Средний показатель топонимической емкости текстов М. М. Пришвина – 0,6% (т. е. 0,6% всех слов являются топонимами). По количеству топонимических словоупотреблений произведения писателя можно условно разделить на несколько групп: произведения с высокой топонимической емкостью (более 0,8% включительно), произведения со средней топонимической емкостью (от 0,4% включительно до 0,8%), произведения с низкой топонимической емкостью (менее 0,4%). В ходе анализа топонимической емкости произведений выяснено, что к группе с высокой топонимической емкостью относятся произведения художественно-документального жанра, в основу которых легли путевые впечатления М. М. Пришвина. Книги, основанные на том же материале, но превращенные в своеобразные пришвинские «сказки», классический роман «Кащеева цепь» и другие сугубо художественные произведения оказались в основном во второй группе текстов. Самой низкой топонимической емкостью обладают малые формы, не объединенные ни хронотопом, ни сюжетной линией: книги миниатюр, а также детские рассказы.

Результаты такой работы, хоть и являются для нас промежуточными, интересны, так как конкретные статистические данные отражают особенности поэтики литератора, которые часто выводятся учеными лишь интуитивно, и могут стать подспорьем для сопоставления поэтик разных авторов, выявления трансформации литературных методов отдельного писателя на разных этапах творчества, для изучения места имени в текстах одного или нескольких писателей.

Раздел 2.3. «Вопрос о гидроцентричности художественных текстов М. М. Пришвина в аспекте литературной топонимики» посвящен исследованию места гидронимов в произведениях М. М. Пришвина. Видное невооруженным глазом и отмечаемое многими филологами (Н. В. Борисовой, Н. В. Трубициной, С. В. Логвиненко) важное и даже зачастую сюжетообразующее место водной стихии в его книгах подтверждается здесь

средствами литературной ономастики: анализируется количество гидронимов (288 в 1650 употреблениях, что составляет 22,5% от всех топонимов и 24,9% от всех топонимических употреблений) в художественных произведениях писателя, оцениваются контексты использования гидронимов, выявляется уровень гидроцентричности различных текстов (наиболее частотны гидронимы *Пинега, Выгозеро, Волга, [Северная] Двина, Выг, Белое море, Дубна, Кода, Светлое озеро, Имандра*).

Глава III «Малая родина М. М. Пришвина в топонимическом пространстве его художественных текстов» освещает отражение в топонимическом пространстве творчества М. М. Пришвина одной из важнейших сторон биографии писателя – его малую родину. Пристальное внимание уделяется эволюции *отношения* писателя к своей малой родине (селу Хрущёву-Лёвшину, городу Ельцу и его окрестностям, к так называемому русскому подстепью вообще), которое рассматривается через использование автором соответствующих топонимов в художественных произведениях и дневниках разных лет.

В художественном творчестве топонимия малой родины М. М. Пришвина представлена следующими группами: 1) топонимия Хрущёва и окру́ги (к ней мы относим ойконимы *Хрущёво, Красная Пальна, Пальна, Аграмач, Дубовый Дол, Колодези, Талица (Талим)*, а также – условно – вымышленные ойконимы *Кибаевка, Шибаевка, Косычевка*; микротопонимы *Поповка, Горелый пень, Дубровка,* хоронимы *Соловецкая волость, Елецкий уезд*); 2) топонимия города Ельца (ойконим *Елец*, урбанонимы *Черная слобода, Чернослободская гора, Ямская слобода, Соборная улица, Манежная улица*, а также гидроним *Сосна*); 3) топонимия Лебедянского и Задонского районов Липецкой области (ойконимы *Лебедянь, Задонск*, ороним *Галичья горка,* гидроним *Дон* и – условно – урбаноним *Тяпкина гора*).

Ойконим *Елец* является самым используемым у Пришвина топонимом, относящимся к его малой родине. В 24 из 34 случаев *Елец* упоминается в автобиографическом романе «Кащеева цепь». Выразительнее всего ойконим

выступает в «немецких» главах романа, где контекст использования топонима ярко иллюстрирует юношеское отношение Пришвина к своей родине. В контексте разговора Несговорова и Алпатова в Дрезденской галерее *Елец* противопоставляется *Дрездену* и дополняет его, как Сикстинская Мадонна дополняет жнею, «живущую в грязи под Ельцом» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 390]. *Елец* в разных частях и в разных контекстах романа «Кащеева цепь» формирует несколько хронотопов: во-первых, это *Елец* Курымушки, то есть периода обучения Алпатова в гимназии, во-вторых, это *Елец* Алпатова – туда он попадает после разных периодов своего дальнейшего обучения; в-третьих, это *Елец* «автора» – Елец 1917-1920 гг. Кроме того, существует *Елец* предков Алпатова – елецких купцов. Таким образом в «Кащеевой цепи» *Елец* служит объединяющим разные этапы жизни автора-героя топонимом. *Елец* появляется и в более поздних произведениях Пришвина, но всегда – в автобиографическом контексте. О Ельце Пришвин писал в очерках «Охота за счастьем» и «Мои тетрадки», в рассказах «Загадка» и «Печальный черт», в миниатюре «Недоступность».

В данной главе показано, что частота использования является не единственным признаком значимости того или иного топонима в авторской картине мира – контекстуальный анализ позволяет понять, что топонимическое пространство малой родины писателя, представленное сравнительно бедно в его художественном творчестве, имеет большой коннотативный потенциал и является важной вехой авторской картины мира.

Глава IV «Особенности использования топонимов в художественных текстах М. М. Пришвина как отражение автобиографизма его творчества» состоит из четырех разделов.

В первом из них, разделе **4.1. «*Москва, Петербург* и *Россия* как самые частотные топонимы художественных текстов М. М. Пришвина»**, исследуются контексты использования М. М. Пришвиным ядерных топонимов его художественного творчества *Москва, Петербург* и *Россия*, являющихся таковыми не только в связи с большой частотностью, но и по

причине активного использования в произведениях разных лет и разных жанров. Все три рассмотренных топонима, безусловно, часто выполняют в текстах дифференциально-локализующую функцию, но ряд словоупотреблений обнаруживает аккумуляцию коннотативных значений – как узуальных, так и окказиональных. При этом многие коннотации связаны с биографическими фактами. Например, *Москва* осмысливается в художественных текстах М. М. Пришвина как город *власти*, *государственной инициативы*, *торговли*, *культуры* и *деловых отношений* не только в соответствии с узуальными коннотациями. Москва для Пришвина вплоть до 1937 г., когда он смог жить там постоянно, была местом, куда он отправлялся на «охоту» за гонорарами после подмосковной охоты. В Москве он бывал в высших кругах государственной власти, и там его судьбу решали функционеры – в том числе функционеры от литературы. Авторская картина мира содержит также сугубо пришвинское определение Москвы: *город птиц*. Давно вписанная в историю России, *Москва* известна, в отличие от большей части пришвинских топонимов, каждому и потому способна указывать не только на пространственный компонент хронотопа, но и на временной, что часто реализуется в текстах М. М. Пришвина.

Показательно, что *Петербург* «уходит» из творчества писателя в конце 20-х гг., вслед за последним посещением города (1928 г.), и возвращается лишь однажды – в своеобразной оде *Петербургу* «Город света», но сам топоним *Петербург* становится маркером *прошлого*, так как *Ленинград* для М. М. Пришвина – «тот, да не тот» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 421].

Москва и *Петербург* фактически маркируют два этапа жизни писателя: российский и советский, соответствуя при этом двум этапам жизни страны.

В разделе выделены основные особенности использования топонима *Россия*. В частности, замечена зависимость частотности употребления этого топонима от политических взглядов М. М. Пришвина. Из 212 словоупотреблений топонима *Россия* 183 приходятся на творчество писателя до 1930-х гг. М. М. Пришвин, не принявший коммунизм, но умело и хитро с

ним заигрывавший, старался открыто не высказываться о стране как о пространстве политическом и предпочитал делить ее на более мелкие части, центром каждой из которой была бы не государственная власть, а природа; не зря тогда возникло живое и по сей день мнение о внутренней эмиграции писателя в природу. Совершенно по-новому посмотрел на *Россию* Пришвин к концу жизни, все-таки придя к утверждению коммунизма как промежуточной стадии на пути к счастливому будущему человечества, что сказалось на языке произведений, в которых, в частности, только в начале 1950-х стал нередко появляться топоним *Советский Союз.*

В **разделе 4.2. «Топонимия Русского Севера в художественных текстах М. М. Пришвина»** приведен анализ топонимов Русского Севера, использованных М. М. Пришвиным в текстах. Он выявляет основные авторские приемы включения таких единиц в текст как средств художественной выразительности (индуцирование коннотативных значений, этимологизация, использование топонима в качестве маркера хронотопа, мифологизация реальных топонимов и др.) и их высокий стилистический потенциал, по-разному реализующийся в разных контекстах и разных произведениях, а также их автобиографический характер. Приведем примеры краткого анализа некоторых топонимов Русского Севера.

Важнейшим для пришвинского Севера населенным пунктом является село *Надвоицы*, где разворачивается часть действия романа «Осударева дорога». В *Надвоицах* Пришвин бывал в 1906 г., недалеко от села наблюдал за *Воицкими водопадами*. Изначально село *Надвоицы* стало одним из основных мест действия этого произведения из-за близости к Шлюзу №10 Беломорско-Балтийского канала, строительство которого Пришвин и хотел изобразить в книге, так как он очень впечатлил писателя во время путешествия 1933 г., а «в Надвоицах… строительство узла было виднее, чем где бы то ни было» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 120]. Это название к тому же очень удачно вписывалось в общую топонимическую картину, имея тот же корень, что *Надвоицкий падун* и *Воицкое озеро*.

Названия рек, фигурирующих в повести-сказке «Корабельная чаща», и связанные с этими реками события взяты М. М. Пришвиным из впечатлений от путешествия 1935 г. В романе дети сплавляются на плоту по реке *Верхняя Тойма* и добираются, миновав подробно описанный в книге «глубинный залом» в устье этой реки, до *Северной Двины*. 21 мая 1935 г. Пришвин сам наблюдал запань и «пыж» у слияния *Верхней Тоймы* и *Северной Двины*, что подробно описал в дневнике. Этот эпизод попал и в книгу «Берендеева чаща». В сказке-повести впечатление было обработано в соответствии со стилем произведения, однако место упоминается то же – *Верхняя Тойма.*

Раздел 4.3. «Особенности отражения топонимии Сибири и Дальнего Востока в произведениях М. М. Пришвина разных жанров» посвящен отражению реального топонимического пространства Сибири и Дальнего Востока в художественных текстах М. М. Пришвина. Их анализ позволяет понять характер использования одних и тех же реальных топонимов, «привезенных» Пришвиным из путешествий, в составе художественного текста разных жанров: в очерках и в «сказках». Анализ топонимии позволяет проследить зависимость принципов отбора такой лексики от жанровой принадлежности произведения, а также понять особенности окказионального индуцирования сем в произведениях с различными жанровыми особенностями. Сопоставление художественных топонимов с фактами биографии писателя показывает, что большинство топонимов реально и что их использование имеет под собой биографические основания. Вымышленные топонимы, включенные в массив реальных топонимов, встречаются в текстах Пришвина о Сибири и Дальнем Востоке редко и используются только в тех случаях, когда этого требует художественный замысел или специфика жанра произведения.

Это иллюстрируют следующие примеры. Название реально существующего мыса *Орлиное Гнездо* упоминается и в дневнике писателя, и в книге «Золотой Рог». В повести «Жень-шень» название заново рождается «на глазах» читателя: на этом мысу рассказчик обнаруживает орлиное гнездо и

наблюдает бой орла и оленухи Хуа-лу. Сразу после боя мыс получает от рассказчика свое название. Разорив гнездо хищника, он устраивает здесь оленье хозяйство. Любопытно, что жизнь этого топонима в рамках произведения сходна с судьбой многих реальных топонимов: исходный мотивирующий денотат исчезает, а название остается. *Орлиное Гнездо* – пример пришвинского приема адаптации для художественного текста реальных топонимов путем создания новых, «живых», мотивов номинации, показанных читателю в действии.

Сокровенный «корень жизни», приготовленный китайцем Лувеном для рассказчика из повести «Жень-шень», имеет свой «адрес»: рассказчик помнил, что показанное однажды растение можно найти за *Певчей долиной,* к которой «надо идти через Семивершинную падь в третий Медвежий распадок» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 76]. Этот «адрес», содержащий сразу два топонима: *Семивершинная падь* и *Медвежий распадок*, дважды упоминается в дневнике писателя: именно в *3-ем Медвежьем распадке Семивершинной пади* женщина-сторож не хотела пускать Пришвина и студентов в парк, там же проходили оленьи роды. Последний эпизод, кстати, описан и в «Золотом Роге», где «адрес» сохранен, и в «Жень-шене», где конкретное место не обозначено.

В **разделе 4.4. «Вымышленные и искаженные топонимы в художественных текстах М. М. Пришвина»** анализируется исключительная для творчества М. М. Пришвина полностью вымышленная топонимическая система «Старых рассказов». Большинство вымышленных топонимов являются «говорящими»: их внутренняя этимология либо ясна без объяснения (*Крутояр, Верхний Брод, Неуродимый луг* и др.), либо напрямую объяснена в тексте (*Птичье кладбище, Бабья Лужа*). С помощью вымышленных топонимов у Пришвина часто дано актуальное для художественного хронотопа описание местности. Особое внимание в разделе посвящено топониму *Тяпкина гора*, который позволяет связывать топос рассказа «Крутоярский зверь» с городом Лебедянь. Некоторые подробности

заставляют нас усомниться в том, что *Лебедянь* является единственным прототипом *Безверска.* Сам Пришвин писал, что рассказы «Крутоярский зверь» и «Птичье кладбище» написаны по впечатлению от летней охоты в Брыни (селе в 70 км от Белева), да и во время сбора материала для этих рассказов Пришвин жил под Белевом. В белевском дневнике 1910 г. Пришвин упоминает деревянный мост, где он любил бывать и который по описанию очень схож с мостом из рассказа. Кроме того, город *Белев* был Пришвину дорог, о чем он красноречиво пишет в 1910 г. *Белев* писателю «кажется волшебным сказочным городом» [Пришвин, 2007, с. 411] и, конечно, подходит для места действия сказочного (эпитет Пришвина) «Крутоярского зверя» – в отличие от Лебедяни, вызывавшей у писателя, судя по замечаниям в дневниках, отторжение. И особенности рельефа, и густые леса, окружающие город, также заставляют усомниться в том, что прототипом *Безверска* стал город *Лебедянь.* Из дневника писателя известно, что Пришвин интересовался этимологией ойконима (предполагал, что название пошло от слова «бель», которым раньше называлась белка) и был знаком с легендой происхождения названия города (от «белого льва»), которая перекликается с сотворенной им легендой происхождения названия вымышленного *Безверска* («бе зверь»). Лебедянский микротопоним *Тяпкина гора*, видимо, попал в пространство *Безверска*, во-первых, как связанный с интересной для Пришвина легендой о разбойнике Тяпке, которую он приводит в одной из дневниковых записей; во-вторых, как яркое художественное средство.

В этом же разделе показана также автобиографическая природа таких авторских мифотопонимов, как *Дриандрия* и *Золотая луговина.*

Одним из многих примеров тщательной работы М. М. Пришвина с топонимами как носителями свернутых смыслов и потенциальных сем является использование в стилистических целях искаженных топонимов, услышанных им в живой речи (*Вихляндия, Ольгоф* и др.).

В **заключении** обобщаются результаты данного исследования.

Проведенный анализ топонимического пространства творчества М. М. Пришвина позволил выявить особенности использования топонимов в его художественном творчестве. Привлечение дневников писателя, безусловно, способствовало более глубокому пониманию авторских интенций и принципов построения художественного текста, выявлению степени автобиографичности тех или иных топонимических единиц.

Творческая концепция М. М. Пришвина, заключающаяся, по его собственному мнению, в так называемом «творческом поведении», находит полное отражение в его литературной топонимии. Яркой особенностью его топонимического творчества является в этом плане адаптация реальной как в географическом, так и в биографическом рассмотрении топонимической лексики для художественных целей. Пришвин крайне редко использует вымышленные топонимы для актуализации определенных значений – напротив, смыслы в основном актуализируются средствами избранных реальных топонимов, обретающих необходимые коннотации. Нельзя также не отметить, что Пришвин вносит в язык литературы большое количество малоизвестных топонимов, что связано с писательской интенцией: особенности и колорит тех или иных мест, фигурирующих в его произведениях, легко подчеркиваются характерными именами собственными. Такие топонимы служат не только средством дифференциации и локализации, но и несут пришвинскую идею «родственного внимания» к окружающему миру.

Данная работа является первой диссертационной работой, посвященной топонимии произведений М. М. Пришвина, и ее результаты свидетельствуют о необходимости продолжения изучения топонимического пространства Пришвина и, шире, всей ономастики его художественных произведений и дневников. Особенно перспективными нам видятся следующие направления, намеченные в данной работе: изучение особенностей заглавий текстов Пришвина, изучение графических средств художественной выразительности (например, курсива и заглавных букв), а в первую очередь – выявление

частных особенностей использования в художественных текстах писателя других классов онимов и общих особенностей всего ономастикона для последующей лексикографической обработки всех единиц ономастики М. М. Пришвина.

Применение в литературной ономастике новых методов, использованных в нашей работе, – в частности, рассмотрение всего творчества автора как единого текста, активное применение статистического метода и рассмотрение онимов в соотношении с писательской биографией – представляется продуктивным в работе с текстами других авторов.

Основные положения диссертации изложены в **публикациях:**

– в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Страхов, И. И. Гидронимы в творчестве М. М. Пришвина / И. И. Страхов // ФИЛОLOGOS. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015. – №1 (24) – С. 86-90.

2. Страхов, И. И. Река Пинега и ее притоки в топонимическом пространстве творчества М. Пришвина / И. И. Страхов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2015. – №2. – С. 78-79.

3. Страхов, И. И. Хрущевский пласт топонимического пространства творчества М. М. Пришвина / И. И. Страхов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №8 (50): в 3-х ч. Ч. III. – С. 184-187.

4. Страхов, И. И. Малая родина в художественном творчестве М. М. Пришвина: ономастический комментарий / И. И. Страхов // ФИЛОLOGOS. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015. – №3 (26) – С. 73-77.

5. Страхов, И. И. О топонимическом пространстве в творчестве М. М. Пришвина / И. И. Страхов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №11 (53): в 3-х ч. Ч. III. – С. 180-182.

– и других:

6. Страхов, И. И. Топонимическое пространство детства и отрочества М. Пришвина (на материале романа «Кащеева цепь») / И. И. Страхов // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 140-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. – С. 309-313.

7. Страхов, И. И. Топонимическое пространство повести М. М. Пришвина «Славны бубны» и крымского дневника 1913 года / И. И. Страхов // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. – Вып. 32. – С. 369-374.

8. Страхов, И. И. Топонимия Европы в автобиографическом романе Пришвина «Кащеева цепь» / И. И. Страхов // Актуальные проблемы стилистики, риторики и лингводидактики: сборник научных трудов / М.: ИИУ МГОУ, 2014. – №2. – С. 250-255.

9. Страхов, И. И. Топонимия Тверской области в творчестве М. М. Пришвина / И. И. Страхов // Λογος όνομαστική. – Донецк, 2015. – №6. – С. 60-63.